

УДК 330.31

DOI: 10.17586/2310-1172-2024-17-1-3-21

Научная статья

Мониторинг качества экономического роста регионов: методические аспекты и реализация*

Науч. сотр. **Сидоров М.А.** ma.sidorov@mail.ru
ФГБУН Вологодский научный центр РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56, а

В статье представлены результаты развития методического подхода к мониторингу качества роста экономики регионов. Проведен содержательный анализ понятия «мониторинг качества экономического роста». Представлен алгоритм проведения мониторинга качества экономического роста регионов, в его рамках предложен комплексный набор показателей, позволяющих охарактеризовать качество экономического роста в регионах. Основой дополнения существующих ресурсного и структурного методических подходов к качеству экономического роста стали субъективные оценки руководителей предприятий производственного сектора Северо-Запада России, характеристика положения регионов округа в цепочках создания стоимости, а также оценка качественных характеристик уровня жизни населения. В рамках апробации развития методических подходов к мониторингу качества экономического роста проанализированы индикаторы качества роста экономики регионов Северо-Запада России. Сделан вывод о том, что предложенные к дополнению индикаторы позволяют сформировать более глубокое и комплексное понимание специфики социально-экономических трансформаций в конкретных регионах. Цель исследования заключается в совершенствовании методического подхода к мониторингу качества экономического роста. Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных авторов в области социально-экономического мониторинга, данные Росстата, а также результаты проводимого ВолНЦ РАН опроса руководителей предприятий производственного сектора Северо-Запада России. Научная новизна работы состоит в совершенствовании мониторинга качества экономического роста на основе дополнения структурного и ресурсного подходов к выбору показателей оценки качества экономического роста индикаторами вовлеченности регионов в цепочки создания стоимости и набором индикаторов уровня жизни.

Ключевые слова: регион, экономика, мониторинг социально-экономического развития, анализ, качество экономического роста, мониторинг, экономический рост, территория.

**Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды»*

Monitoring the quality of regional economic growth: methodological aspects and implementation

Researcher **Sidorov M.A.** ma.sidorov@mail.ru
Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences
56 A, Gorky Street, Vologda, Russia, 160014

The article presents the results of the development of a methodological approach to monitoring the quality of regional economic growth. A meaningful analysis of the concept of "monitoring the quality of economic growth" is carried out. An algorithm for monitoring the quality of economic growth in the regions is presented, within its framework a comprehensive set of indicators is proposed to characterize the quality of economic growth in the regions. The basis for complementing the existing resource and structural methodological approaches to the quality of economic growth were subjective assessments of the heads of enterprises in the manufacturing sector of the North-West of Russia, characteristics of the position of the regions of the district in the value chains, as well as an assessment of the qualitative characteristics of the standard of living of the population. Within the framework of testing the development of methodological approaches to monitoring the quality of economic growth, the indicators of the quality of economic

growth in the regions of the North-West of Russia are analyzed. It is concluded that the indicators proposed for the supplement make it possible to form a deeper and more comprehensive understanding of the specifics of socio-economic transformations in specific regions. The purpose of the study is to improve the methodological approach to monitoring the quality of economic growth. The information base was the works of domestic and foreign authors in the field of socio-economic monitoring, data from Rosstat, as well as the results of a survey of managers of enterprises in the manufacturing sector of the North-West of Russia conducted by the National Research Center of the Russian Academy of Sciences. The scientific novelty of the work consists in improving the monitoring of the quality of economic growth by supplementing the structural and resource approaches to the selection of indicators for assessing the quality of economic growth with indicators of regional involvement in the value chain and a set of indicators of living standards.

Keywords: region, economy, monitoring of socio-economic development, analysis, quality of economic growth, monitoring, economic growth, territory.

Введение

Российская экономика проходит через этап ускоряющихся масштабных изменений в производственной, финансовой, инвестиционной и других сферах. Характерной чертой трансформаций стало то, что они происходят на фоне беспрецедентных вызовов, требующих незамедлительного реагирования. При этом для российских территорий затруднительно применять унифицированные меры поддержки, требуется учитывать различное социально-экономическое положение регионов страны.

При этом в условиях, когда становится жизненно необходимой активизация производства импортозамещающей продукции и усилий по развитию внутристрановых цепочек создания стоимости, исключительную важность приобретают исследования индикаторов на макрорегиональном уровне. Ценность такого подхода подтверждается стратегическими задачами развития страны, сформулированными А.Г. Гранбергом, которые предполагают задействование потенциала межрегиональной производственной кооперации (включая освоение перспективных направлений), а также стимулирование «отставших» территорий [1]. В схожем виде эти задачи закреплены в программных документах, в частности в Стратегии национальной безопасности, где они направлены на достижение целей экономической безопасности¹. В Стратегии пространственного развития особое внимание уделено обоснованию целесообразности развития территорий с опорой на взаимодействие внутри макрорегионов². Реализация столь сложных целей в условиях обострения внешнего давления подразумевает необходимость обеспечения органов государственного управления и экономических агентов своевременной информацией о происходящих процессах, что повышает актуальность повышения эффективности оперативного мониторинга социально-экономического положения регионов страны и их способности отвечать на возникающие нетипичные вызовы.

С учетом сказанного цель исследования заключается в совершенствовании методического подхода к мониторингу качества экономического роста (КЭР). В ходе ее реализации выполняются такие задачи, как агрегирование и критический обзор опыта анализа КЭР территорий, дополнение мониторинга элементами, которые позволят повысить эффективность стратегического и оперативного управления регионами, а также апробация на примере макрорегиона. Научную новизну работы составляет совершенствование мониторинга КЭР путем дополнения структурного и ресурсного подходов к определению показателей оценки КЭР индикаторами вовлеченности регионов в цепочки создания стоимости и набором индикаторов уровня жизни.

Теоретические основы исследования

В мировой практике организация и проведение эффективного **мониторинга** выступает важным элементом изучения и контроля состояния социально-экономических систем различного уровня. В развитых государствах регулярный мониторинг активно применяется в качестве реального инструмента управления. В *российских программных документах* также наблюдается рост интереса к данной теме. Так, если в Стратегии национальной безопасности до 2020 года закреплено отслеживание лишь нескольких социально-экономических индикаторов (расслоение населения по уровню доходов, уровень безработицы, инфляция, долговая нагрузка и т.д.), то в Стратегии национальной безопасности на период до 2030 года уже в полной мере признается значимость

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 30.03.2023).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (Дата доступа 21.02.23 г.)

мониторинга. В Стратегии экономической безопасности России мониторинг также выступает одним из ключевых инструментов управления³.

Иными словами, в силу того, что мониторинг региональных социально-экономических тенденций представляет практический интерес, в России его ведением занимается *широкий круг исследователей* и государственных организаций. В качестве примера подобных работ можно привести:

- мониторинг социально-экономического развития России, в том числе в разрезе федеральных округов и субъектов Российской Федерации (Минэкономразвития России);
- макроиндикаторы социально-экономической ситуации в Вологодской области (Департамент стратегического планирования Правительства Вологодской области);
- анализ трендов развития экономик субъектов Российской Федерации (РЭУ им. Г.В. Плеханова);
- расчет сводного индекса региональной экономической активности (Центр развития НИУ ВШЭ);
- мониторинг социально-экономического положения регионов России (Центр пространственной экономики ИПЭИ РАНХиГС);
- рейтинг социально-экономического положения регионов (РИА Рейтинг);
- рейтинги регионального развития (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ);
- аналитические бюллетени по экономике Уральского и Приволжского федеральных округов (Институт экономики УрО РАН).

Однако следует отметить, что теоретико-методологические подходы и инструментарий мониторинга в упомянутых работах не всегда нацелены на региональную проблематику, во многих исследованиях раскрыты лишь отдельные аспекты социально-экономического развития территорий страны. Добавим, что материалы, публикуемые специализирующимися на пространственном развитии исследовательскими организациями, ставят целью анализ экономики определенных территорий.

Отметим, что ускорение трансформации экономики повышает востребованность в формировании механизма осуществления комплексной оценки социально-экономического развития территорий, который позволит с большей эффективностью отслеживать и прогнозировать взаимовлияющие процессы в регионах (в том числе оперативном режиме). Для этого отдельно остановимся на том, как различные исследователи определяют набор индикаторов для мониторинга. А.А. Шилов в ходе оценки состояния экономики региона определяет перечень показателей с опорой на референтные ряды данных [2]. Помимо этого, авторы предлагают подход к социально-экономическому мониторингу региона, который позволяет выявлять различные аспекты отраслевых тенденций. С.Д. Валентей определяет перечень показателей по принципу «минимальной достаточности», при этом основываясь на взаимосвязи локальных характеристик социальной среды и производственной сферы [3]. Предложенная О.Л. Тараном и О.А. Киселевой система показателей включает в себя два блока: социальный и экономический [4]. Также с целью межрегионального сопоставления часто используются авторские интегральные индикаторы. Кроме того, в широком круге исследований показатели для мониторинга обосновываются исходя из целей анализа поворотных точек динамики индикаторов, которые значимы для данных работ. Данный подход не лишен логики, однако затруднителен для межрегиональных сопоставлений.

Важным направлением развития нашего исследования является изучение КЭР, мониторинг аспектов которого приобретает особую значимость в период глубоких преобразований. И.М. Теняков определяет качество экономического роста как «взаимосвязь качества факторов производства, качества и конкурентоспособности конечной продукции, прогрессивных изменений отраслевой структуры национальной экономики, социальной результативности роста» [5].

Также исследователь ёмко обобщил сущность *ключевых подходов* к определению параметров КЭР:

- *структурный подход*: оптимальность структурных характеристик экономического роста: темпов, пропорций между отраслями и компонентами выпуска – потреблением, накоплением, экспортом и др.;
- *ресурсный подход*: продуктивность первичных («массовых») ресурсов;
- *экологический подход*: последствия роста для окружающей природной среды (экологичность роста);
- *социальный подход*: сокращение социального неравенства и повышение качества жизни населения;
- *социально-психологический подход*: увеличение «счастья» населения [6].

Перечисленные подходы к определению КЭР неразрывно связаны между собой. Первичным и обобщающим при этом, в силу своей природы, является структурный подход, который может дополняться

³ О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216629&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7295930030490538#0> (дата обращения 30.10.2023).

остальными подходами. Иначе говоря, для изучения КЭР важно использовать комплекс индикаторов, отражающих разные аспекты социально-экономических трансформаций.

Коллектив Б.Д. Хусаинова [7] в качестве примера системы индикаторов оценки КЭР приводит методику Всемирного банка, в основе которой обобщение кадровых, экономических и экологических показателей [8]. Определенный интерес к изучению качественных характеристик экономического роста проявляют китайские исследователи. К значимым результатам исследований по этой теме можно отнести исследование КЭР регионов Китая с применением авторского обобщающего показателя «истинный индикатор прогресса» [9].

Структурный подход широко представлен в исследовательском поле, и ставит целью формирование оптимальной структуры экономических систем. В отечественной науке этот вопрос активно изучался экономистами СССР. Современные исследователи также используют структурный подход для решения большого диапазона задач. В качестве примера можно привести В. Бетелина, который в своих исследованиях приходит к выводу, что дисбаланс доли промышленности и сферы услуг способствует самоусилению в силу усиления специализации территорий на оказании услуг [10]. Отметим, что в западной литературе структурные аспекты роста рассматривались, прежде всего, в рамках кейнсианских моделей роста – например, в модели Р. Харрода это соотношение между темпами фактического, «гарантированного» и «естественного» роста [11].

Другим общеупотребимым применением структурного подхода является поиск оптимального соотношения компонентов экономических индикаторов (к примеру ВВП рассматривается со стороны спроса и предложения, в свою очередь спрос подразделяется на внутренний и внешний и т.д.). Так, исследователи называют потребительский спрос [12] одним из ключевых факторов развития современной экономики. При этом спрос российских домохозяйств на качественные товары и услуги существенно ограничен, поскольку почти половину их расходов составляют затраты на продукты питания, транспорт и коммунальные услуги [13; 14].

Также важнейшим компонентом спроса является инвестиционный спрос. Однако и тут исследователи констатируют наличие негативных изменений: коэффициенты выбытия и выбытия основного капитала в России крайне низки (0,6-0,7 и 4% в год соответственно), а отношение инвестиций в основной капитал к ВВП находится «на предельно низком уровне» (17%, измеряемых Росстатом, и 20% – по системе национальных счетов с учетом «теневых» инвестиций; [15]).

Добавим, что исследователи ВолНЦ РАН, помимо наблюдения статистических показателей в рамках мониторинга, большое внимание уделяют изучению структурных трансформаций региональной экономики [16-18].

Ресурсный подход к определению параметров КЭР также служит ценным инструментом в решении задач развития регионов. Исследователи считают критически важным изучение компонентов экономической динамики, меняющихся в результате уменьшения доли использования первичных ресурсов в общем объеме выпуска [12; 19].

В основу используемого в нашем исследовании набора индикаторов легли **структурный и ресурсный подходы** к определению параметров КЭР, которые представляют наибольший интерес с точки зрения активизации резервов экономики регионов и определения возможностей повышения эффективности управления территориями, поскольку с помощью этих подходов рассматривается создание добавленной стоимости, тогда как остальные направлены на повышение устойчивости развития территорий.

Помимо опоры на структурный и ресурсный подходы выбору показателей КЭР, выбирая показатели для мониторинга мы исходим из важности активизации усилий по конструированию внутривнутриотраслевых цепочек создания стоимости, элементом которых является отслеживание положения регионов и отраслей в них. В.А. Крюков в своих исследованиях отмечает, что «В основе прагматичной политики пространственного развития страны в средне- и долгосрочной перспективе лежат проекты развития инфраструктуры, а также формирования цепочек создания добавленной стоимости, звенья которых, как правило, расположены в различных регионах страны» [20].

В мировой практике для этих целей, а также для исследования цепочек создания добавленной стоимости, межотраслевых связей и фрагментации производства применяется межотраслевой подход.

Для характеристики степени фрагментированности цепочек создания добавленной стоимости нами применяются такие индикаторы, как длина производственной цепочки (Downstreamness, или D) и длина сбытовой цепочки (Upstreamness, или U). Первый из них отражает средневзвешенное⁴ число производственных стадий, последовательно участвующих в производстве того или иного товара или услуги. Второй – фиксирует средневзвешенное⁵ число производственных стадий, которое продукция проходит после своего производства до достижения конечного потребителя.

⁴ Взвешивание осуществляется по величине конечного потребления продукции.

⁵ Взвешивание осуществляется по величине валовой добавленной стоимости, создаваемой той или иной отраслью.

В мировой практике данный подход достаточно распространен, в частности, на основе международных баз данных межстрановых таблиц «затраты – выпуск» (TiVA, WIOD, GTAP и др.) оцениваются показатели нисходящей⁶ и восходящей⁷ вертикальной специализации стран в производственных цепочках [21–26], их фрагментированности [27–30]. В этом случае цепочка создания добавленной стоимости рассматривается как представление стоимости какой-либо конечной продукции в виде суммы стоимостей, добавленных различными отраслями, прямо или косвенно участвующими в процессе ее изготовления⁸ [31].

Второй важной составляющей нашего дополнения к набору отслеживаемых показателей стала сфера качества жизни населения, характеризующаяся с помощью китайского подхода к оценке бедности – "две заботы" и "три безопасности". Под этими группами индикаторов подразумевается экономическая доступность продуктов питания и одежды для населения, а также обеспечение медобслуживанием и образованием и жильем. Исследование этих показателей качества жизни позволяет судить о доступности базового набора экономических и социальных благ для населения, что напрямую отражается на характере потребительского спроса.

Помимо этого, принимая во внимание важность комплексного изучения происходящих социально-экономических процессов в регионах, на наш взгляд, необходимо параллельно проводить мониторинг с использованием номинально объективных (статистических) и номинально субъективных (полученных в результате опроса) данных. Многие исследователи исходят из исключительной ценности данного подхода, в частности, Ю.В. Яременко отмечал важность качественного анализа микроэкономического уровня (следующего после исследования макроэкономической статистики и проведения специальных статистических исследований) для статистического изыскания [32]. Особое внимание к социально-экономическим индикаторам на различных уровнях отмечается в том числе в исследованиях ИМП РАН [2].

Исследователи ВолНЦ РАН, в свою очередь, ориентируются на многоуровневость данных при проведении регулярного мониторинга функционирования экономики регионов Северо-Запада России. В частности, для представления о происходящих экономических процессах на микроуровне исследователи ВолНЦ РАН проводят ежегодный опрос руководителей промышленных предприятий Северо-Запада России. С 2022 года мониторинг расширен до производственного сектора⁹ экономики.

На данный момент исследователями ВолНЦ РАН публикуются результаты мониторинга социально-экономического положения регионов со следующей периодичностью:

1. Базовый мониторинг¹⁰ – раз в год (содержит ряды индикаторов в годовом представлении, приравненные к уровню 2008 г., который был точкой максимума по широкому кругу показателей).
2. Оперативный мониторинг¹¹ – раз в 2 месяца (представляет собой краткий аналитический обзор оперативных показателей, при этом отдельное внимание уделяется рубрикам, в рамках которых проводится углубленное изучение различных категорий экономики регионов).
3. Мониторинг функционирования и развития производственного сектора – раз в год (содержит результаты опроса руководителей предприятий [33]).

Полезными с точки зрения развития методики мониторинга КЭР являются отзывы и предложения ведущих ученых-экономистов, экспертов и практиков государственного управления, полученные на первые три выпуска аналитического бюллетеня о тенденциях в экономике регионов Северо-Запада России (в 2020–2022 годах). Среди предложений по развитию направления назывались углубление анализа ситуации в сферах услуг, уровня жизни населения, практик развития регионов, кадрового потенциала, реализации национальных проектов, а также малого и среднего предпринимательства. Оценки качественных характеристик роста экономики регионов СЗФО также были отмечены среди пожеланий¹².

Обобщая вышесказанное, отметим, что алгоритм проведения мониторинга региона может быть представлен в виде следующих этапов:

1. Сначала собирается информация о первичных показателях состояния экономики на различных уровнях.

⁶ Отношение иностранной добавленной стоимости к валовому экспорту рассматриваемой страны.

⁷ Отношение реэкспортируемой добавленной стоимости (через экспорт других стран) к валовому экспорту рассматриваемой страны.

⁸ Применительно к отраслям разных регионов, участвующим в добавлении стоимости, такое разложение превращается в межрегиональные цепочки создания добавленной стоимости.

⁹ Производственный сектор в нашем исследовании представлен отраслями сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства, а также промышленности (виды деятельности А, В, С, D, E по ОКВЭД-2).

¹⁰ Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России. URL: <http://www.vscs.ac.ru/activity/view?id=8156> (Дата доступа: 31.10.2023)

¹¹ Сидоров М.А. (2023). Мониторинг экономики: итоги 2022 года // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 145–157. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.10.

¹² Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России. URL: <http://www.vscs.ac.ru/activity/view?id=8156> (Дата доступа: 31.10.2023)

2. Затем производится обработка собранных данных.
3. Далее формируются рекомендации по улучшению состояния экономических агентов, после чего в виде адресных аналитических записок результаты предоставляются в органы регионального управления.
4. Следующие материалы подготавливаются с учетом обратной связи.

Далее продемонстрирован пример организации социально-экономического мониторинга регионов на примере Северо-Запада России. Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных авторов в области систем социально-экономического мониторинга, данные Росстата, а также результаты проводимого ВолНЦ РАН опроса руководителей предприятий производственного сектора Северо-Запада России.

Результаты

1. Формирование и использование валовой добавленной стоимости в экономике

Большая часть производимого ВРП в экономике СЗФО приходится на Санкт-Петербург (57%), еще 9% формируется в Ленинградской области (рис. 1). Лидеры по среднедушевому ВРП – Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Санкт-Петербург, ядром экономики которых является развитая промышленность.

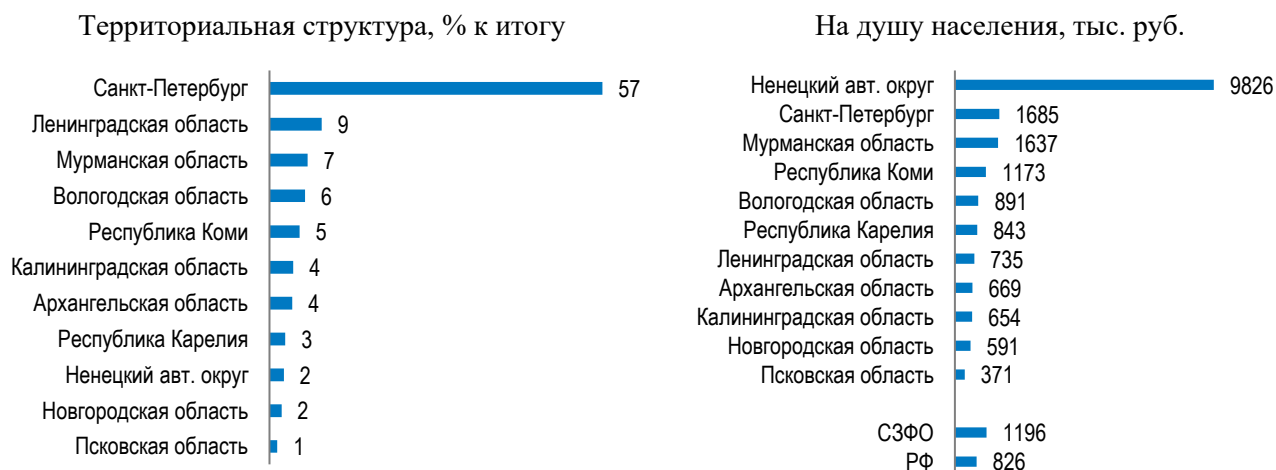

Рис. 1. Производство ВРП по регионам СЗФО в 2021 г
Источник: составлено по данным Росстата

Экономическая динамика ВРП СЗФО была умеренно-позитивной: за 2008–2021 гг. произошел прирост в размере 32% (рис. 2), он опирался преимущественно на благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру. Для устойчивого роста ВРП требовался одновременный рост цен на мировых товарных рынках и увеличение объемов экспорта. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., сопровождавшийся ухудшением внешнеэкономической конъюнктуры, привел к смене роста экономики СЗФО резким падением, а также к обострению существующих проблем. Сокращение доходов, порождаемых экспортоориентированным сектором, вызвало торможение экономической динамики большинства регионов СЗФО и инициировало ее переход в фазу стагнации, однако Санкт-Петербург и Ленинградская область оказали мощное воздействие на обобщающий прирост показателя по макрорегиону. В результате среднегодовой темп прироста ВРП СЗФО в 2014–2021 гг. составил 2,7%, что существенно выше, чем в среднем по стране. В 2022 г., несмотря на масштабную государственную поддержку, экономике СЗФО не удалось избежать ухудшения экономических индикаторов, в значительной степени зависевших от взаимодействия с недружественными странами. В результате чего макрорегион стал наиболее пострадавшим среди всех федеральных округов регионов.

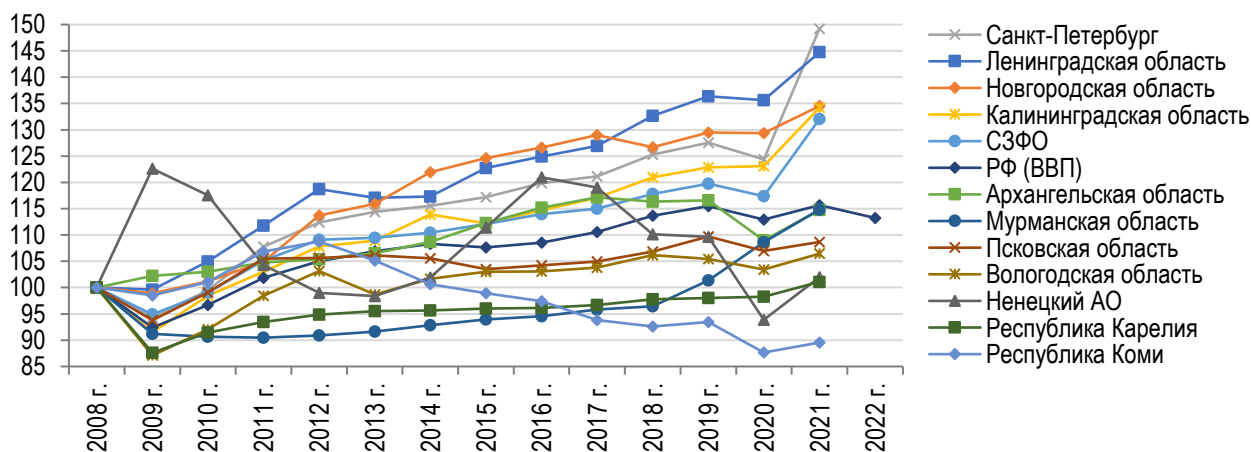

Рис. 2. Динамика ВВП РФ и ВРП регионов СЗФО в 2008–2022 гг., 2008 г. = 100%

Источник: составлено по данным Росстата

При этом субъективные оценки работы предприятий производственного сектора макрорегиона в 2022 и 2023 годах были высокими, что во многом связано с применяемыми мерами государственной поддержки¹³, однако их действие рассчитано на краткосрочный период. Годом ранее руководители предприятий производственного сектора экономики СЗФО прогнозировали более серьезное ухудшение ситуации – указывали на более глубокий спад натурального объема выпуска продукции, ее запасов, сокращение спроса на внутреннем и внешнем рынках (табл. 1).

Таблица 1

Оценка изменения основных показателей работы предприятия, % от числа ответивших

Показатель	В 2022 г. (I)			В 2022 г. (II)			В 2023 г. прогноз (II)		
	Рост	Тот же уровень	Сокращение	Рост	Тот же уровень	Сокращение	Рост	Тот же уровень	Сокращение
Натуральный объем выпуска продукции	37	28	35	34	44	22	23	46	31
Объем капиталовложений	25	40	35	18	50	32	31	46	23
Запасы готовой продукции	20	68	12	18	73	9	23	61	16
Цены на выпускаемую продукцию	59	19	22	66	23	11	55	28	17
Цены на закупаемую продукцию	81	7	12	92	4	4	77	19	4
Себестоимость производимой продукции	75	13	12	89	8	3	77	15	8
Спрос на продукцию на внутреннем рынке	31	49	20	20	66	14	11	65	24
Спрос на продукцию на внешних рынках	9	18	57	13	44	43	13	45	42
Прибыль	13	45	42	40	22	38	12	52	36
Численность работников	29	56	15	18	59	23	20	73	7
Зарплата работников	62	23	15	69	27	4	55	42	3
Средний уровень использования производственных мощностей	27	49	24	16	57	27	10	66	24

Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

По результатам опроса, доля респондентов, отметивших ухудшение экономической ситуации в 2022 году (31%), существенно меньше доли прогнозируемого ухудшения в 2022 г. (90%). Эта разница ярко отражает

¹³ Правительство РФ продлит меры поддержки лесной отрасли в 2023 году. Novgorod.ru. URL: <https://news.novgorod.ru/news/pravitelstvo-rf-prodlit-mery-podderzhki-lesnoy-otrasli-v-2023-godu--189894.html> (Дата доступа: 31.10.2023)

неуверенность, с которой респонденты находились во втором квартале 2022 года с учетом усиления санкций и глобального изменения политической и экономической ситуации. В то же время доля руководителей, не планирующих дальнейших изменений в состоянии предприятий в ближайшем будущем составляет 61%. Ожидания респондентов согласуются с макропрогнозами Еврокомиссии, ОЭСР и МВФ, улучшившими прогнозы развития экономики России в 2024 г. по сравнению с сценариями, разработанными в марте¹⁴.

В целом же в 2008–2022 гг. динамика большинства основных статистических показателей экономической сферы Северо-Запада России была близка к страновой. К числу наиболее значимых тенденций относится медленный рост промышленного производства (1,2% в год), обусловленный увеличением выпуска обрабатывающей индустрии, происходившим преимущественно пищевой и целлюлозно-бумажной промышленности, в то время как из отраслей промышленности промежуточного спроса позитивные изменения отмечены только в химической индустрии, а в машиностроении и производстве неметаллических минеральных стройматериалов динамика выпуска была отчетливо негативной (табл. 2). Совокупное сочетание этих тенденций можно считать упрощением структуры промышленного производства.

Таблица 2

**Динамика основных показателей функционирования экономики СЗФО
 в 2008-2022 гг., % к уровню 2008 г**

Индикатор	РФ	СЗФО
Промышленное производство	116,9	116,4
Добывающая промышленность	119,4	106,8
Обрабатывающая промышленность, в т.ч.:	137,8	134,8
Пищевая промышленность	142,1	135,0
Целлюлозно-бумажная промышленность	110,2	140,7
Химическая промышленность	178,0	147,6
Металлургическая промышленность	103,0	101,6
Деревообрабатывающая промышленность	102,5	83,0
Машиностроение	71,6	73,4
Производство неметаллических минеральных продуктов	88,9	78,0
Сельское хозяйство	141,8	142,9
Уровень безработицы	75,4	73,0
Потребность в работниках	247,7	229,3
Реальные денежные доходы населения	113,8	124,5
Реальная начисленная заработная плата одного работника	130,6	124,5
Оборот розничной торговли	108,2	119,5
Объем платных услуг населению	118,2	109,7
Объем инвестиций в основной капитал	122,5	95,0
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	105,9	71,0
Экспорт	126,2	123,8*
Импорт	97,0	90,5*

Источник: составлено по данным Росстата

*Примечание: В силу того, что публикация данных по внешней торговле регионов временно приостановлена, за 2022 г. есть возможность оценить динамику только в целом по стране. По СЗФО приведены данные за 2021 г

К положительным тенденциям в экономике Северо-Запада России можно отнести существенный рост выпуска сельскохозяйственной продукции (что можно отнести к достижениям экономики макрорегиона, поскольку он располагается в зоне рискованного земледелия), а также улучшение индикаторов рынка труда. Помимо этого, позитивной тенденцией является динамика доходов населения и реального размера заработных плат, которые росли быстрее оборота розничной торговли.

Негативным явлением в экономике Северо-Запада России стало существенное сокращение активности в сфере инвестиций и строительства, тогда как в целом по стране отмечен рост этих индикаторов. Также сложности в развитии испытывает внешнеторговый сектор экономики: после продолжительного наращивания экспорта в страны Европы регионы Северо-Запада вынуждены искать другие рынки сбыта, либо перестраивать

¹⁴ ОЭСР улучшила прогноз по ВВП России на 2023–2024 годы. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/06/07/979068-oesr-uluchshila-prognoz-po-vvp-rossii> (Дата доступа: 31.10.2023)

логистические цепочки, что ведёт к снижению конкурентоспособности поставляемых товаров. Импорт товаров и услуг также снизился, что, впрочем, отчасти объясняется частично реализованным импортозамещением (по крайней мере, в сфере пищевой промышленности) после взаимных торговых ограничений в 2014 г.

2. Структурные изменения в региональной экономике

Важнейшим этапом выработки эффективной экономической политики выступает анализ наиболее значимых структурных сдвигов и пропорций в экономике, оценка эффективности ее функционирования, а также выявление факторов и условий развития [34-35]. В качестве примера приведём оценку изменений в экономике Вологодской области. Наблюдаемые с начала периода перехода к рыночной экономике изменения оказали негативное влияние на общую эффективность экономики региона. Результатом стало увеличение ресурсоемкости выпуска продукции (при обратном тренде в целом по стране; рис. 3).

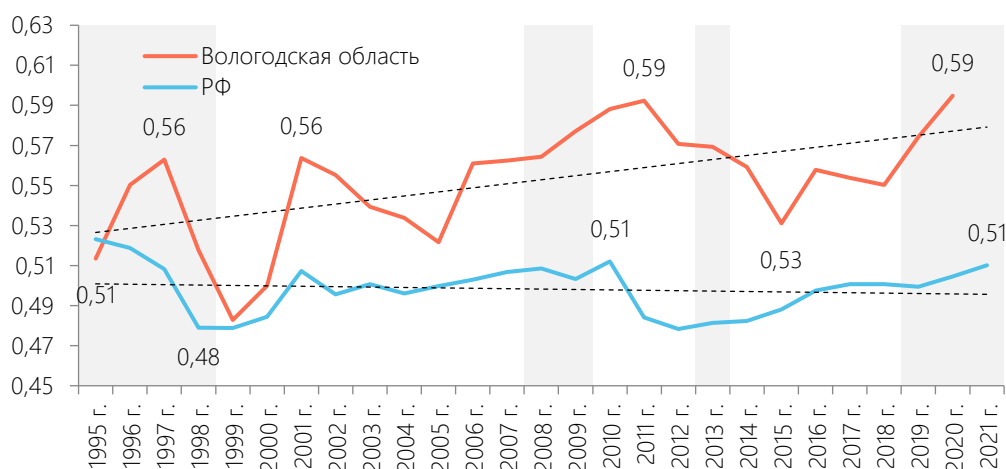

Рис. 3. Динамика ресурсоемкости экономики Вологодской области и России в 1995–2021 гг
Источник: составлено по данным Росстата

Одновременно с увеличением значимости такого источника доходов, как доходы домохозяйств (ранее ключевым источником выступали доходы предпринимателей), в экономике Вологодской области изменились также пропорции использования доходов. После перехода к рыночной экономике наметилась явная тенденция к росту доли конечного потребления в структуре использования ВРП. В 2020 г. она составила более чем две трети от объема ВРП (рис. 4).

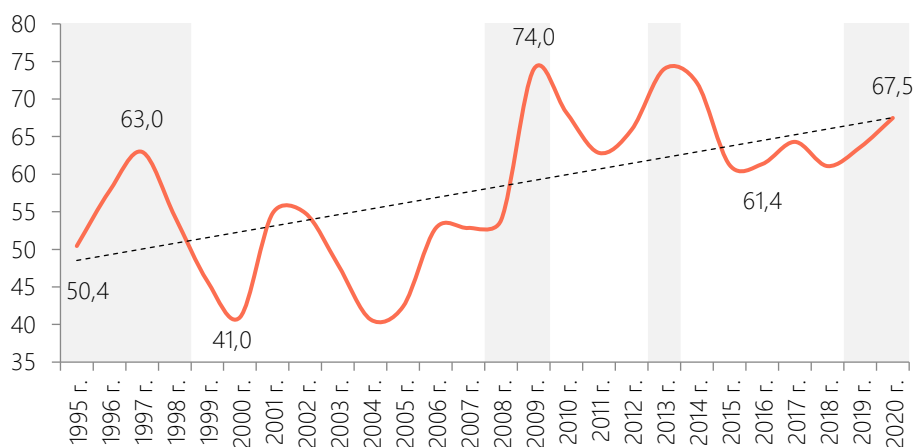

Рис. 4. Динамика доли расходов на конечное потребление в экономике Вологодской области, % к ВРП
Источник: составлено по данным Росстата

Сложившаяся ситуация несет в себе негативные предпосылки: когда в доходах экономики сокращается доля валовых сбережений и удельного веса прибыли организаций, соразмерно этому процессу замедляется процесс инвестирования в развитие производства. Помимо этого, важное значение имеют механизмы трансформации сбережений в инвестиции, из-за низкой эффективности которой норма накопления основного капитала в Вологодской области до 2019 г. была существенно ниже нормы сбережения (рис. 5).

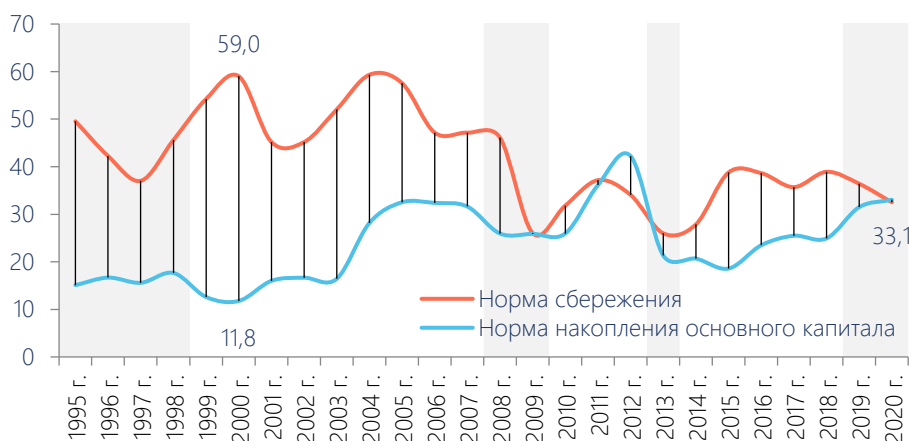

Рис. 5. Динамика нормы сбережения и нормы накопления основного капитала в экономике Вологодской области, % к ВРП
 Источник: составлено по данным Росстата

Добавим, что произошедшее в 2009–2013 гг. и 2020 г. сближение значений нормы сбережения и накопления объясняется преимущественно спадом в сбережении, тогда как в накоплении не произошло значимых позитивных изменений. При этом в целом по СЗФО только 17 % из руководителей предприятий производственного сектора считают финансовое состояние своего предприятия хорошим, более половины – удовлетворительным (54%; рис. 6).

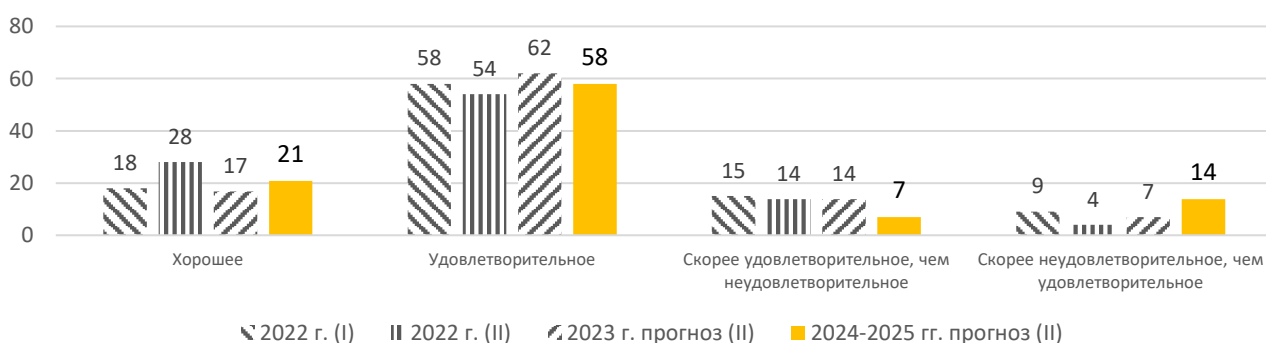

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете в целом финансовое состояние Вашего предприятия?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
 Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН

Добавим, что отсутствие изменений в доле руководителей, прогнозирующих хорошее и удовлетворительное финансовое положение предприятия на ближайшую перспективу, указывает на их уверенность в устойчивости своих компаний. Завышенные ожидания респондентов затронули также прогноз уровня средств, выделяемых на развитие предприятия. В начале 2022 года об их оптимальном уровне высказывались 20% руководителей, однако по итогам года оптимальный объем выделенных средств был отмечен 39% опрошенных (рис. 7).

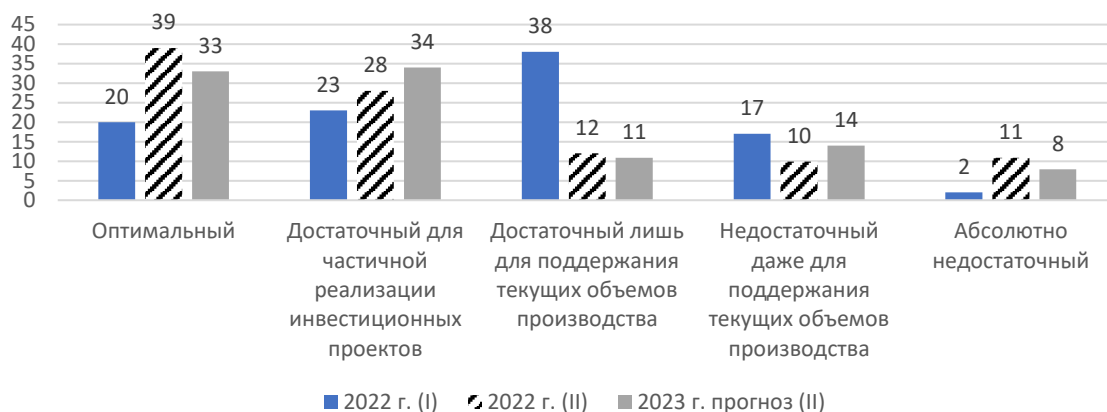

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень средств, выделяемых на развитие Вашего предприятия?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
 Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН

Обратная ситуация отмечена среди респондентов, выбравших вариант достаточного уровня средств лишь для поддержания текущих объемов производства. Ожидали такого развития событий 38% руководителей, по итогам 2022 года этот вариант ответа указали только 12% опрошенных. Одним из очевидных направлений повышения способности экономики региона к качественному росту является улучшение уровня материалоотдачи, фондоотдачи, капиталотдачи и производительности труда (табл. 3). На примере динамики этих индикаторов по отраслям экономики Вологодской области можно сделать вывод, что по данным резервам имеется масса неиспользованных возможностей.

Таблица 3

Динамика качественных индикаторов экономики Вологодской области в 2008-2020 гг

Вид деятельности	Материалоотдача			Фондоотдача			Капиталоотдача			Производительность труда		
	2008 г.	2020 г.	2020 г. к 2008 г., %	2008 г.	2020 г.	2020 г. к 2008 г., %	2008 г.	2020 г.	2020 г. к 2008 г., %	2008 г.	2020 г.	2020 г. к 2008 г., %
Производство товаров	0,62	0,50	80,6	1,00	0,53	53,0	7,70	5,30	68,8	773	1292	167,1
Промышленность	0,61	0,45	73,8	0,96	0,46	47,9	6,80	4,50	66,2	915	1449	158,4
Строительство	0,53	0,75	141,5	2,97	2,55	85,9	59,30	114,10	192,4	875	1024	117,0
Прочие ВЭД по пр-ву товаров	1,02	0,86	84,3	0,72	0,65	90,3	2,60	0,30	11,5	1137	601	52,9
Рыночные услуги	1,31	1,76	134,4	0,18	0,17	94,4	2,30	2,00	87,0	580	1078	185,9
Оптовая и розничная торговля	1,93	1,67	86,5	1,58	1,87	118,4	48,30	85,10	176,2	486	1132	232,9
Транспорт	0,93	1,99	214,0	0,11	0,10	90,9	1,10	1,00	90,9	808	1946	240,8
Операции с недвижимостью	2,34	1,63	69,7	0,13	0,12	92,3	9,70	8,70	89,7	921	772	83,8
Прочие рыночные услуги	1,17	1,26	107,7	0,68	0,62	91,2	3,60	3,70	102,8	258	303	117,4
Нерыночные услуги	1,73	1,79	103,5	0,25	0,52	208,0	43,20	42,80	99,1	402	460	114,4
Государственное управление	1,55	1,36	87,7	0,14	0,47	335,7	84,90	106,50	125,4	687	762	110,9
Образование	2,44	4,45	182,4	0,31	0,39	125,8	34,40	23,80	69,2	231	246	106,5
Здравоохранение	1,65	1,95	118,2	0,90	0,78	86,7	30,30	30,90	102,0	394	445	112,9
Итого	0,77	0,79	102,6	0,41	0,29	70,7	5,30	3,60	67,9	622	975	156,8
Россия (справочно)	0,97	1,07	110,3	0,55	0,53	96,4	11,40	7,10	62,3	1074	1149	107,0

Источник: составлено по данным Росстата

Наибольший потенциал для увеличения добавленной стоимости в экономике Вологодской области отмечен у фондоотдачи и капиталотдачи, тогда как показатели материалоотдача и производительность труда демонстрировали значения более близкие к среднестрановым.

3. Положение регионов в цепочках создания стоимости

Согласно нашим исследованиям [36], до 2022 г. на экспорт направлялось более 19% товаров и услуг, выпускаемых регионами СЗФО. Ключевыми отраслями, формирующими большую часть экспортных потоков из макрорегиона, служили металлургическая, химическая и деревообрабатывающая промышленность. Соответственно, важным направлением деятельности для макрорегиона также исторически являлось развитие транспортной и таможенной инфраструктуры. Помимо этого, в регионы страны (за исключением регионов СЗФО) поставлялось более 27% продукции макрорегиона.

Если рассматривать сферу торгового сотрудничества опрошенных руководителей предприятий производственного сектора экономики СЗФО, то доля заявивших о наличии торгово-экономического взаимодействия в регионе базирования предприятия с прошлого года выросла на 6 п.п. (92%; рис. 8).

*Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Осуществляется ли в настоящее время торгово-экономическое взаимодействие Вашего предприятия с организациями нижеперечисленных территорий?», % от числа ответивших
Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН*

Параллельно снизилась доля респондентов, имеющих связи с контрагентами в прочих регионах СЗФО, за исключением региона базирования (-6 п.п.), в других субъектах России (-23 п.п.) и со странами дальнего зарубежья (-13 п.п.). Существенный спад отмечен в сотрудничестве с компаниями из других стран – на треть меньше опрошенных приобретают иностранные технологии (19%), на 1 п.п. выросло число организаций, не осуществляющих сотрудничество (17%; табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «По каким направлениям Ваше предприятие сотрудничает с зарубежными и российскими организациями?», % от числа ответивших

	Мир		Россия		СЗФО	
	2022 г. (I)	2023 г. (II)	2022 г. (I)	2023 г. (II)	2022 г. (I)	2023 г. (II)
Покупка сырья и полуфабрикатов	54	38	76	84	57	89
Продажа сырья и полуфабрикатов	26	13	31	28	25	19
Продажа конечной продукции	50	45	74	80	72	89
Покупка технологий	49	19	41	14	12	14
Продажа технологий	3	0	17	10	10	7
Совместная инвестиционная деятельность	6	7	27	20	22	3
Привлечение специалистов	2	3	37	34	55	34
Другое	3	16	6	19	2	17
Сотрудничество не осуществляется	6	17	0	4	0	0

Источник: данные опросов ЦСИ ВолНИЦ РАН.

С контрагентами на территории страны и СЗФО руководители предприятий производственного сектора федерального округа сотрудничают по вопросам закупок сырья и полуфабрикатов и сбыта конечной продукции. Отмечен значительный спад ответов о покупке отечественных технологий (-27 п.п.) и привлечении специалистов из СЗФО (-21 п.п.). Добавим, что ранее регионы СЗФО ранее демонстрировали различное изменение позиций в цепочках создания стоимости. Так, позитивную динамику в 2011–2019 гг.¹⁵ показали Санкт-Петербург, Республика Карелия, Калининградская и Архангельская области (табл. 5*, рис. 8*).

Таблица 5

Динамика позиции регионов СЗФО в цепочках создания стоимости (U/D) в 2011-2019 гг

Регион	2011	2019	Ср.	Изм., %
СЗФО	1,12	1,12	1,10	99,8
Санкт-Петербург	1,07	1,02	1,04	95,3
Республика Карелия	1,40	1,38	1,33	98,2
Калининградская область	0,79	0,78	0,77	98,8
Архангельская обл. (без АО)	1,13	1,12	1,06	99,8
Псковская область	0,89	0,89	0,90	100,3
Мурманская область	1,30	1,33	1,30	102,4
Новгородская область	1,02	1,05	0,99	103,0
Ненецкий АО	2,20	2,29	2,19	104,2
Вологодская область	1,12	1,17	1,13	104,6
Ленинградская область	0,98	1,04	1,01	106,9
Республика Коми	1,55	1,67	1,56	108,1

¹⁵ Оценка проведена начиная с опубликованных в достаточно широкой номенклатуре таблиц Затраты-Выпуск за 2011 г.

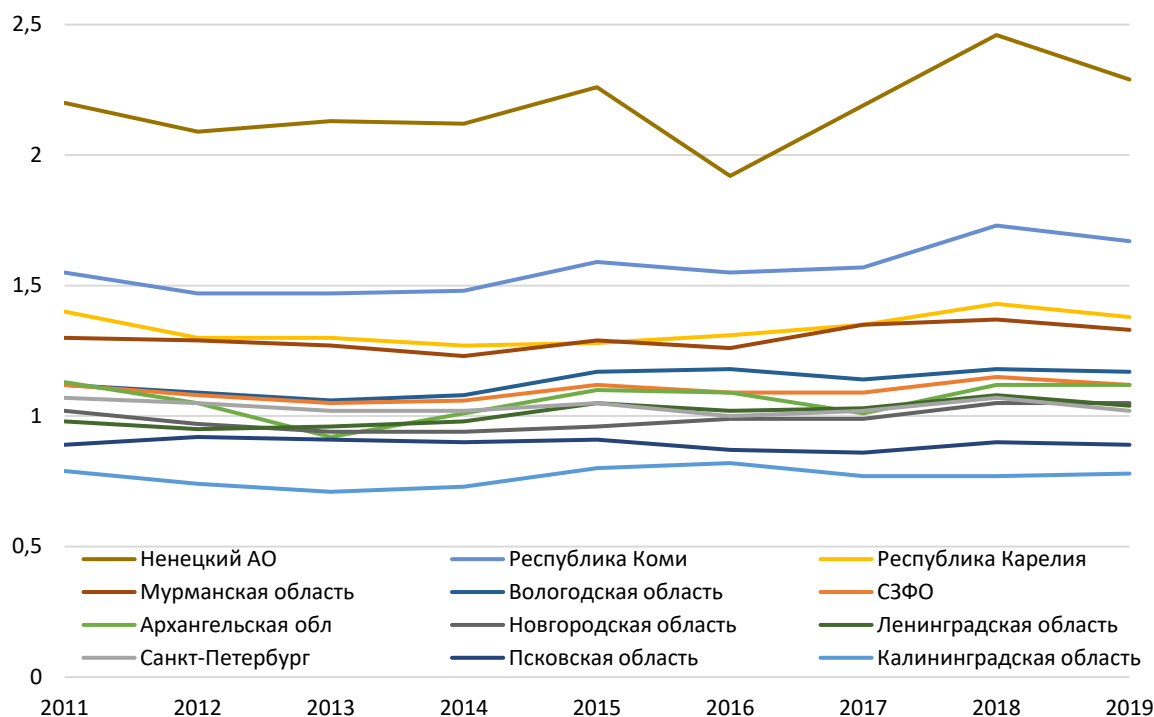

Рис. 8. Динамика позиции регионов СЗФО в цепочках создания стоимости (U/D) в 2011-2019 гг

*Примечание: чем выше индекс, тем дальше регион от конца цепочки и от конечного потребления.
 Источник: составлено по данным Росстата

Ухудшение ситуации отмечено в Мурманской, Новгородской, Вологодской и Ленинградской областях, Ненецком автономном округе и Республике Коми, что во многом обусловлено активным развитием сырьевых компаний на фоне благоприятной внешнеторговой конъюнктуры.

Таким образом, полученные результаты исследования подтверждают целесообразность дополнения статистического анализа мониторингом качественных характеристик экономического роста, а также индикаторов, отвечающих потребностям государства, предпринимателей и населения. Конечно, представленный алгоритм мониторинга не раскрывает в полной мере природу трансформаций в экономике регионов. В то же время он формирует более глубокое представление о характере происходящих изменений и позволяет сконцентрировать изучение объекта на наиболее значимых сдвигах в его характеристиках.

4. Качество жизни населения

Качественный рост экономики должен способствовать улучшению демографических процессов, повышению продолжительности и качества жизни. В нашем исследовании КЭР регионов помимо прочего оценивается с позиции улучшения экономических и социальных индикаторов качества жизни населения в рамках китайской концепции «Две заботы и три безопасности населения». В рамках нее под первыми понимается экономическая доступность для населения еды и одежды, под вторыми – уровень обеспеченности базовым медобслуживанием, образованием и жильем. В качестве примера ниже приведено изменение потребления молока и молочной продукции, а также общей площади жилых помещений, приходящихся на одного жителя (табл. 6, 7): в регионах СЗФО потребление молока и молочной продукции на душу населения соответствует общероссийскому уровню (прирост на 0,4%). Однако двумя годами ранее в СЗФО не происходило существенного роста потребления молочных продуктов, в отличие от страны в целом. К уровню 2008 г. прирост подушевого потребления молока в округе составил 6,7% при нулевой динамике в стране.

Таблица 6

Потребление молока и молочной продукции в 2008–2021 гг., кг на душу населения

Территория	2008 г	2021 г	% от РРНП в 2021 г	2021 к 2008 г., %
РФ	241	241	74,2	100
СЗФО	255	272	83,7	106,7
1. Санкт-Петербург	289	310	95,4	107,3
2. Псковская область	277	290	89,2	104,7
3. Ленинградская область	263	280	86,2	106,5
4. Республика Коми	241	253	77,8	105,0
5. Вологодская область	239	249	76,6	104,2
6. Новгородская область	246	240	73,8	97,6
7. Калининградская область	229	236	72,6	103,1
8. Мурманская область	246	236	72,6	95,9
9. Республика Карелия	251	221	68,0	88,0
10. Архангельская обл. (в т.ч. НАО)	159	204	62,8	128,3

Источник: составлено по данным Росстата (ЕМИСС № 31346)

В большинстве регионов страны отмечен устойчивый рост показателя «Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя». В СЗФО он увеличился за 2008–2021 гг. на 29,7%, что выше среднестранового уровня. По итогам 2021 г. рост показателя в округе был не таким внушительным (+2,7%), чем в стране (+11,6%). Спад отмечен лишь в Калининградской области (-0,1%). В большинстве субъектов СЗФО площадь введенных в эксплуатацию жилых помещений на одного жителя в 2021 г., за исключением Ненецкого АО и Мурманской области превысила общероссийский уровень.

Таблица 7

**Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя,
в 2008–2021 гг., кв. метр**

Территория	2008 г	2021 г	2021 к 2008 г., %
РФ	21,8	27,8	127,4
СЗФО	23,9	29,7	124,4
1. Псковская область	27,5	34,8	126,5
2. Новгородская область	26,3	34,2	130,2
3. Вологодская область	25,1	32,3	128,8
4. Калининградская область	22,2	31,4	141,5
5. Ленинградская область	24,9	31,3	125,7
6. Архангельская обл. (без АО)	24,6	30,0	122,0
7. Республика Коми	24,3	29,4	121,0
8. Республика Карелия	24,9	28,7	115,1
9. Санкт-Петербург	22,5	27,9	123,9
10. Мурманская область	24	26,3	109,5
11. Ненецкий автономный округ	21,9	25,7	117,1

Источник: составлено по данным Росстата (ЕМИСС № 40466)

В целом на уровне СЗФО доступность базовых экономических благ в сравнении с остальными макрорегионами остается низкой, при этом в большинстве регионов округа отмечается улучшение ряда индикаторов качества жизни населения.

Выводы и заключение

Апробация предложенного развития методических подходов к мониторингу КЭР позволила сделать следующие выводы:

1. Настоящая статья является частью исследования, направленного на формирование эффективной системы мониторинга качественных социально-экономических изменений в регионах. Несмотря на то, что этим вопросом занимается широкий круг экономистов, он все еще имеет потенциал развития.

2. Представленные разработки по развитию мониторинга позволяют комплексно выявлять изменение качественных характеристик экономики регионов России. Помимо структурного и ресурсного подходов к выбору показателей оценки КЭР предложено дополнить комплекс индикаторов показателями вовлеченности регионов в цепочки создания стоимости и качественных характеристик уровня жизни населения.

3. В исследовании представлены отдельные показатели КЭР, позволяющие выявлять процессы, воздействующие на динамику представленных в официальной статистике индикаторов. Систематизация комплекса соответствующих индикаторов требует проведения углубленного изучения. К настоящему моменту в ходе исследования сформирована информационная база для ведения мониторинга региональной экономики, налажено производство «первого передела» в мониторинге региональной экономики.

4. Также есть основания полагать, что мнения представителей промышленных предприятий СЗФО могут служить своего рода опережающим показателем деловой активности на макрорегиональном уровне. Примером может служить представленное в работе различное распределение наиболее критических проблем у предпринимателей в макрорегионе и в стране в целом.

Результаты исследования могут быть полезны органам государственной власти при разработке стратегических документов по экономической политике, а также широкому кругу исследователей, занимающихся вопросами мониторинга качества экономического роста регионов, и проблемами региональной экономики в целом.

Литература

1. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза / Рук. авт. колл. и отв. ред. *А.Г. Гранберг*. М.: Экономика, 2000. 435 с.
2. *Широв А.А., Потапенко В.В., Никитин К.И. [и др.]*. Организация оперативного мониторинга состояния экономики региона (на примере г. Москвы) // Проблемы прогнозирования. 2022. № 3. С. 89–101.
3. *Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н.* Тренды развития субъектов Российской Федерации в период пандемии // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 127–170.
4. *Таран О.Л., Киселева О.А.* Формирование системы индикаторов социально-экономического развития региона // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 3. С. 222-227.
5. *Теняков И.М.* Качество экономического роста как фактор национального развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук / М., 2007. 24 с.
6. *Теняков И.М.* Подходы к оценке качества экономического роста // Политическая экономия и экономическая политика. 2016. №4. С. 61-73.
7. *Хусаинов Б.Д., Широв А.А., Байзаков Н.А.* Качество роста и цифровизация в странах евразийской интеграции: эконометрический анализ // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5(194). С. 118-128. DOI: 10.47711/0868-6351-194-118-128.
8. *Thomas V., Dailimi M., Dhareshwar A., [et.al.]*. The Quality of Growth // World Bank Group. Washington, D.C. 2000. 23 p. DOI: 10.1596/0-1952-1593-1.
9. *Long X., Ji X.* Economic Growth Quality, Environmental Sustainability, and Social Welfare in China – Provincial Assessment Based on Genuine Progress Indicator (GPI) // Ecol. Econ. 2019. Vol. 159. Pp. 157-176.
10. *Бетелин В.* России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 3-12.
11. *Harrod, Roy F.* "An Essay in Dynamic Theory". The Economic Journal. 1939. 49 (193): 14–33. doi:10.2307/2225181.
12. *Широв А.А.* Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. 2023. №2(197). С. 6-17.
13. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. 2019. Серия 5. География. № 2. С. 61-68.
14. *Ушачев И.Г., Колесников А.В.* Экономическая доступность продовольствия для населения Российской Федерации // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 4. С. 59-77.

15. *Аганбегян А.Г.* Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту // Научные труды ВЭО России. 2022. Т 237. С. 310-362.
16. *Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.]*. Возможности межотраслевого баланса в анализе и моделировании региональной экономической политики: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 2022. 277 с.
17. *Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.]*. Структурная трансформация региональной экономики: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 2020. 290 с.
18. *Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.]*. Проблемы экономического роста территории: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой; Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Вологда: ИСЭРТ РАН. 2013. 170 с.
19. *Узяков М.Н., Узяков Р.М.* Конкурентоспособность российской экономики: возможности измерения и графическая визуализация // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 31-45. DOI 10.47711/2076-318-2020-31-45.
20. *Крюков В.А.* Об институционализации роли и места крупного бизнеса в решении проблем социально-экономического развития страны // Экономическое возрождение России. 2023. № 2(76). С. 42-52.
21. *Hummels D.L., Ishii J., Yi K.-M.* The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // FRB of New York Staff Report. 1999. No. 72. 53 p.
22. *Johnson R.C., Noguera G.* Accounting for Intermediates: Production Sharing and Trade in Value Added // Journal of International Economics. 2012. Vol. 82. No. 2. P. 224-236.
23. *Ito T., Vézina P.-L.* Production fragmentation, upstreamness, and value added: evidence from factory Asia 1990–2005 // Journal of the Japanese and International Economies. 2016. Vol. 42. P. 1-9. DOI: 10.1016/j.jjie.2016.08.002
24. *Antràs P., Chor D., Fally T., Hillberry R.* Measuring the upstreamness of production and trade flows // American Economic Review. 2012. Vol. 102 (3). P. 412-416. DOI: 10.3386/w17819
25. *Chen B.* Upstreamness, exports, and wage inequality: evidence from Chinese manufacturing data // Journal of Asian Economics. 2017. Vol. 48. P. 66-74.
26. *Hagemeyer J., Tyrowicz J.* Upstreamness of employment and global financial crisis in Poland: the role of position in global value chains // Economics of European Crises and Emerging Markets. 2017. P. 217-236. DOI: 10.1007/978-981-10-5233-0_10
27. *Miller R.E., Temurshoev U.* Output upstreamness and input downstreamness of industries/countries in world production // International Regional Science Review. 2017. Vol. 40 (5). P. 443-475. DOI: 10.1177/0160017615608095.
28. *Beladi H., Chakrabarti A., Hollas D.* Cross-border mergers and upstreaming // World Economy. 2017. Vol. 40 (3). P. 598-611. DOI: 10.1111/twec.12320
29. *Fally T.* On the Fragmentation of Production in the US // University of Colorado-Boulder. 2011. 49 p.
30. *Ju J., Yu X.* Productivity, profitability, production and export structures along the value chain in China // Journal of Comparative Economics. 2015. Vol. 43 (1). P. 33-54.
31. *Саяпова А.Р.* Количественные параметры глобальных цепей стоимости в макроструктурном прогнозировании // Проблемы прогнозирования. 2018. №6. С. 51-61.
32. *Яременко Ю.В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 2000. 400 с.
33. *Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В. [и др.]*. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1
34. *Киришин И.А.* Эффекты роста постиндустриальной экономики // Вестник Чувашского университета. 2008. №1. С. 390-396.
35. *Клинов В.Г.* Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 114-127.
36. *Сидоров М.А.* Рынки сбыта продукции регионов Северо-Запада России: количественное измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т.15. №3. С. 91-112. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.5

References

1. Regional'noe razvitie: opyt Rossii i Evropeiskogo Soyuza / Ruk. avt. koll. i otv. red. A.G. Granberg. M.: Ekonomika, 2000. 435 s.

2. Shirov A.A., Potapenko V.V., Nikitin K.I. [i dr.]. Organizatsiya operativnogo monitoringa sostoyaniya ekonomiki regiona (na primere g. Moskvy) // *Problemy prognozirovaniya*. 2022. № 3. S. 89–101.
3. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v period pandemii // *Federalizm*. 2021. T. 26. № 4 (104). S. 127–170.
4. Taran O.L., Kiseleva O.A. Formirovanie sistemy indikatorov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona // *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2009. № 3. S. 222-227.
5. Tenyakov I.M. Kachestvo ekonomicheskogo rosta kak faktor natsional'nogo razvitiya: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk / M., 2007. 24 s.
6. Tenyakov I.M. Podkhody k otsenke kachestva ekonomicheskogo rosta // *Politicheskaya ekonomiya i ekonomicheskaya politika*. 2016. №4. S. 61-73.
7. Khusainov B.D., Shirov A.A., Baizakov N.A. Kachestvo rosta i tsifrovizatsiya v stranakh evraziiskoi integratsii: ekonometricheskii analiz // *Problemy prognozirovaniya*. 2022. № 5(194). S. 118-128. DOI: 10.47711/0868-6351-194-118-128.
8. Thomas V., Dailimi M., Dhareshwar A., [et.al.]. The Quality of Growth // World Bank Group. Washington, D.C. 2000. 23 p. DOI: 10.1596/0-1952-1593-1.
9. Long X., Ji X. Economic Growth Quality, Environmental Sustainability, and Social Welfare in China – Provincial Assessment Based on Genuine Progress Indicator (GPI) // *Ecol. Econ*. 2019. Vol. 159. Pp. 157-176.
10. Betelin V. Rossii neobkhodim otkaz ot «ekonomiki uslug» i perekhod k ekonomike promyshlennogo proizvodstva // *Ekonomist*. 2019. № 2. S. 3-12.
11. Harrod, Roy F. "An Essay in Dynamic Theory". The Economic Journal. 1939. 49 (193): 14–33. doi:10.2307/2225181.
12. Shirov A.A. Razvitie rossiiskoi ekonomiki v srednesrochnoi perspektive: riski i vozmozhnosti // *Problemy prognozirovaniya*. 2023. №2(197). S. 6-17.
13. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Dolya produktov pitaniya v strukture raskhodov naseleniya regionov Rossii kak indikator urovnya zhizni i modernizatsii potrebleniya // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2019. Seriya 5. Geografiya. № 2. S. 61-68.
14. Ushachev I.G., Kolesnikov A.V. Ekonomicheskaya dostupnost' prodovol'stviya dlya naseleniya Rossiiskoi Federatsii // *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*. 2021. № 4. S. 59-77.
15. Aganbegyan A.G. Rossiya: ot stagnatsii k ustoichivomu sotsial'no-ekonomicheskomu rostu // *Nauchnye trudy VEO Rossii*. 2022. T 237. S. 310-362.
16. Uskova T.V., Lukin E.V. [i dr.]. Vozmozhnosti mezhotraslevogo balansa v analize i modelirovanii regional'noi ekonomicheskoi politiki: monografiya / pod nauch. ruk. T.V. Uskovo; Vologodskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. Vologda: VolNTs RAN. 2022. 277 s.
17. Uskova T.V., Lukin E.V. [i dr.]. Strukturnaya transformatsiya regional'noi ekonomiki: monografiya / pod nauch. ruk. T.V. Uskovo; Vologodskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. Vologda: VolNTs RAN. 2020. 290 s.
18. Uskova T.V., Lukin E.V. [i dr.]. Problemy ekonomicheskogo rosta territorii: monografiya / pod nauch. ruk. T.V. Uskovo; Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii Rossiiskoi akademii nauk. Vologda: ISERT RAN. 2013. 170 s.
19. Uzyakov M.N., Uzyakov R.M. Konkurentosposobnost' rossiiskoi ekonomiki: vozmozhnosti izmereniya i graficheskaya vizualizatsiya // *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*. 2020. № 18. S. 31-45. DOI 10.47711/2076-318-2020-31-45.
20. Kryukov V.A. Ob institutsionalizatsii roli i mesta krupnogo biznesa v reshenii problem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya strany // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2023. № 2(76). S. 42-52.
21. Hummels D.L., Ishii J., Yi K.-M. The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // *FRB of New York Staff Report*. 1999. No. 72. 53 p.
22. Johnson R.C., Noguera G. Accounting for Intermediates: Production Sharing and Trade in Value Added // *Journal of International Economics*. 2012. Vol. 82. No. 2. P. 224-236.
23. Ito T., Vézina P.-L. Production fragmentation, upstreamness, and value added: evidence from factory Asia 1990–2005 // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2016. Vol. 42. P. 1-9. DOI: 10.1016/j.jjie.2016.08.002
24. Antràs P., Chor D., Fally T., Hillberry R. Measuring the upstreamness of production and trade flows // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102 (3). P. 412-416. DOI: 10.3386/w17819
25. Chen B. Upstreamness, exports, and wage inequality: evidence from Chinese manu-facturing data // *Journal of Asian Economics*. 2017. Vol. 48. P. 66-74.
26. Hagemeyer J., Tyrowicz J. Upstreamness of employment and global financial crisis in Poland: the role of position in global value chains // *Economics of European Crises and Emerging Markets*. 2017. P. 217-236. DOI: 10.1007/978-981-10-5233-0_10

27. Miller R.E., Temurshoev U. Output upstreamness and input downstreamness of industries/countries in world production // *International Regional Science Review*. 2017. Vol. 40 (5). P. 443-475. DOI: 10.1177/0160017615608095.
28. Beladi H., Chakrabarti A., Hollas D. Cross-border mergers and upstreaming // *World Economy*. 2017. Vol. 40 (3). P. 598-611. DOI: 10.1111/twec.12320
29. Fally T. On the Fragmentation of Production in the US // *University of Colorado-Boulder*. 2011. 49 p.
30. Ju J., Yu X. Productivity, profitability, production and export structures along the value chain in China // *Journal of Comparative Economics*. 2015. Vol. 43 (1). P. 33-54.
31. Sayapova A.R. Kolichestvennye parametry global'nykh tsepei stoimosti v makrostrukturnom prognozirovanii // *Problemy prognozirovaniya*. 2018. №6. S. 51-61.
32. Yaremenko Yu.V. Teoriya i metodologiya issledovaniya mnogourovnevoi ekonomiki. M.: Nauka, 2000. 400 s.
33. Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V. [i dr.]. Proizvodstvennyi sektor ekonomiki Severo-Zapada Rossii: problemy adaptatsii i perspektivy funktsionirovaniya v usloviyakh sanksii // *Problemy razvitiya territorii*. 2022. T. 26. № 6. S. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1
34. Kirshin I.A. Effekty rosta postindustrial'noi ekonomiki // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2008. №1. S. 390-396.
35. Klinov V.G. Sdvigi v mirovoi ekonomike v XXI veke: problemy i perspektivy razvitiya // *Voprosy ekonomiki*. 2017. № 7. S. 114-127.
36. Sidorov M.A. Rynki sbyta produktsii regionov Severo-Zapada Rossii: kolichestvennoe izmerenie // *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2022. T.15. №3. S. 91-112. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.5

Статья поступила в редакцию 27.10.2023
Принята к публикации 27.02.2024

Received 27.10.2023
Accepted for publication 27.02.2024